

Митрополит Волоколамский Иларион: «Господь нам вверил Церковь, которая существует более тысячи лет»

– Владыка, добрый день! Если можно, позвольте вначале спросить насчет пандемии. Какова сейчас в России ситуация с православными храмами, со священнослужителями? Мы слышали про какие-то специальные меры, которые предпринимались Русской Православной Церковью, вплоть до дезинфекции во время причащения. Вы могли бы как-то это все объяснить?

– К сожалению, ситуация пока не улучшается: число тех, кто заразился, ежедневно растет, почти ежедневно мы слышим о том, что скончался тот или иной священнослужитель либо архиерей. Мы постоянно сейчас совершаем заупокойные службы.

Эта ситуация длится с марта текущего года. Когда весной были введены жесткие карантинные меры, нам пришлось (по крайней мере, в городе Москве) даже закрыть храмы. Так, при закрытых дверях храмов мы совершали богослужения на Страстной седмице и на Пасху. При этом мы постарались организовать прямую трансляцию богослужений со многих приходов, и те прихожане, которые сейчас не могут участвовать в богослужении лично, участвуют в нем через средства удаленной связи.

По благословению Патриарха были введены строгие гигиенические меры, которые соблюдаются в храмах до настоящего времени. Прихожане стоят на богослужениях в масках, по возможности соблюдается социальная дистанция, которая предписана санитарными нормами. Также дезинфицируется лжица, при помощи которой люди причащаются Святых Христовых Таин: после каждого причастника она либо обмакивается в спирт, а потом в горячую воду, либо протирается проспиртованным платом. Мы верим безусловно в то, что инфекция не может передаваться через сами Святые Дары – Тело и Кровь Христовы, которые являются источником исцеления для всех верующих, однако понимаем, что Святые Дары хранятся в сосудах, которые сделаны человеческими руками, и никто сейчас не может гарантировать, что через чашу или через лжицу не передадутся какие-то вирусы. Поэтому в условиях эпидемии мы отменили целование чаши после причащения и дезинфицируем лжицу.

Надо сказать, что в принятии подобных мер нет нарушения традиции или церковного Предания. В прежние столетия также случались эпидемии, и у нас есть, например, выпущенная в начале XX века «Настольная книга священнослужителя», где говорится о том, как действовать священнику в ситуации массового распространения заразных болезней. В этой книге описываются меры, аналогичные тем, которые приняты сейчас в Русской Православной Церкви.

– Как Вы оцениваете ситуацию в мировом Православии после Кипрского кризиса? Создается впечатление, что Русская Православная Церковь собирается перестать общаться с теми Церквями, кто признает автокефалию «ПЦУ». Что будет?

– Я оцениваю ситуацию в мировом Православии как очень опасную, критическую и печальную. Происходит раскол православного мира. Он был инициирован Патриархом Константинопольским Варфоломеем, и, к сожалению, мы видим, что пока этот раскол углубляется.

Хотел бы подчеркнуть одну очень важную для нас вещь: Русская Православная Церковь с сожалением и со скорбью наблюдает за развитием этого раскола, но не является его участницей – раскол происходит вне ее канонических пределов. И когда нам говорят, мол, давайте думать о компромиссных решениях, мы, прежде всего, спрашиваем себя вот о чем. Господь нам вверил Церковь, которая существует более тысячи лет, – это единая Церковь, чья каноническая юрисдикция распространяется на Россию, Украину, Белоруссию, другие сопредельные государства. Мы эту Церковь получили в наследство от наших предков, так какое же мы имеем право сейчас это наследство разбазаривать, раздавать, или, как говорят в России,

раздербанивать?

Наоборот, мы заботимся об укреплении единства нашей Церкви, и сейчас можно наблюдать поразительное единство епископата, духовенства и мирян на всей ее канонической территории. Мы видим единство епископата России и Украины, несмотря на сложные отношения, которые на политическом уровне существуют в настоящее время между двумя странами. И когда нам говорят, мол, дайте автокефалию Украинской Церкви, и тогда все проблемы решатся, хотелось бы спросить: во-первых, какие проблемы можно решить этим шагом, а во-вторых, почему мы должны навязывать автокефалию Украинской Церкви, если она этого не хочет?

Украинская Церковь очень ясно устами всего своего епископата заявила о том, что она полностью удовлетворена тем самоуправляемым статусом, который имеет сегодня. Идея автокефалии в церковном народе крайне непопулярна, тем более что она полностью дискредитирована раскольниками. Как же в такой ситуации можно говорить об автокефалии?

Мы будем продолжать укреплять внутреннее единство нашей Церкви, а то, что делают наши братья в Кипрской Церкви, в Элладской, в Александрийской Церкви, пусть остается на их совести – они дадут за это ответ перед Богом. А мы в Русской Церкви дадим ответ перед Богом за то, сохранили единство нашей Церкви, или же мы его разрушили.

И вот еще о чем я бы хотел сказать. Мы не разрываем общение с Церквями – мы остаемся в общении со всеми иерархами Поместных Православных Церквей, которые стоят на страже канонического Предания Церкви и не признают украинских раскольников. Так будем делать и дальше. Мы разрываем общение только с теми Предстоятелями и иерархами, которые вступают в общение с расколом, и делаем это потому, что так нам повелевают святые каноны: мы не можем признавать людей, не имеющих канонических хиротоний, за тех, с кем можно вступать в евхаристическое общение.

– Можно ли разрешить этот вопрос так же, как раньше разрешались конфликты между Вселенским Патриархатом и Русской Православной Церковью? Был, в частности, пример с Эстонией сразу после распада СССР. Звучат также голоса, в том числе со стороны таких известных деятелей, как Архиепископ Албанский Анастасий, озвучиваются определенные инициативы по нахождению компромисса. Есть ли какая-то надежда? В Нью-Йорке Вы встречались с митрополитом Элпидофором... Может, это начало диалога?

– Мы открыты для диалога, но дверь к нему закрыл Константинопольский Патриарх. Когда в августе 2018 года Патриарх Кирилл приехал в Константинополь, чтобы лично встретиться с Патриархом Варфоломеем, они разговаривали два с лишним часа. Я присутствовал при этой

встрече, на которой Патриарх Кирилл изложил собеседнику реальную ситуацию.

Патриарх Варфоломей был дезинформирован, во-первых, украинскими раскольниками, во-вторых, тогдашними украинскими властями, а в-третьих, своими некомпетентными советниками. Он почему-то был уверен, что как только подпишет «томос об автокефалии», многие архиереи Украинской Церкви сразу же примкнут к новосозданной «церкви». Патриарх Варфоломей нам говорил, что, по их сведениям, 25 архиереев уже готовы это сделать. А Патриарх Кирилл ему на это ответил, что перейдут один или два. И действительно, из почти ста иерархов лишь двое – один епархиальный, а другой викарный архиерей – перешли в эту созданную на базе раскольников так называемую церковь.

В общине учеников Иисуса Христа было двенадцать апостолов, один из них оказался Иудой. У нас было в Украинской Церкви почти сто архиереев (сейчас уже больше ста), из них двое оказались предателями. Так что процент предательства в нашей Украинской Православной Церкви оказался гораздо ниже.

Украинская Православная Церковь как была, так и существует. Это огромная Церковь, у которой двенадцать с половиной тысяч приходов, более двухсот пятидесяти монастырей, тысячи клириков, более ста архиереев, миллионы верующих. Епископат, духовенство и миряне представляют собой очень сплоченную общность, и никто из них не хочет вступать в какую-то якобы автокефальную «церковь», созданную на базе раскольничьих структур.

Если же говорить о компромиссе и сравнивать ситуацию с Эстонией, то нужно иметь в виду, что там ситуация была несколько другая. В Эстонии Константинопольский Патриарх, по его выражению, «воссоздал» ту юрисдикцию, которая существовала в межвоенный период. Причем не на базе раскольников, не имевших канонических хиротоний, – в «воссозданную» юрисдикцию вошли некоторые клирики Русской Православной Церкви, а возглавлять ее был прислан архиерей, имеющий каноническую хиротонию от Константинопольского Патриархата. Поэтому исходные условия для переговоров с самого начала были иными. Переговоры тогда состоялись, и некий компромисс был достигнут. При этом надо сказать, что константинопольская сторона до сих пор не выполнила те договоренности, которые были достигнуты во время переговоров. Тем не менее, тогда удалось прекратить возникшее разделение, и проблема, хотя и не была решена, но не препятствовала нам в последние годы иметь евхаристическое общение с Константинополем.

На Украине мы видим нечто совершенно другое. Произошло вторжение Константинопольского Патриархата на каноническую территорию Русской Православной Церкви. Теперь нам в Константинополе говорят, что, оказывается, в течение более чем трехсот лет Украинская Православная Церковь находилась в составе Константинопольского Патриархата и только временно была передана под юрисдикцию Москвы. Но мы издали целый том документов, которые свидетельствуют об обратном. Недавно на Кипре митрополит Киккский и Тиллирийский Никифор издал книгу с документами, которые, опять же, ясно свидетельствуют, что в течение всех этих трех

с лишним столетий Украинская Церковь входила в состав Московского Патриархата.

Посмотрите календари Константинопольской Церкви за 2018-й, 2017-й, 2016-й и все предыдущие годы – вы увидите Украинскую Православную Церковь во главе с Блаженнейшим митрополитом Онуфрием в составе Московского Патриархата. Там не упоминается о Константинопольском Патриархате. И вдруг нам Патриарх Варфоломей заявляет о том, что, оказывается, это каноническая территория Константинопольского Патриархата.

Представьте, что у вас есть дом, в котором живете вы с вашими детьми, в котором жили ваши родители, бабушки и дедушки, все ваши предки на протяжении трехсот с лишним лет. И вдруг приходит какой-то человек и говорит: «А вы знаете, много лет назад этот дом был передан нашей семьей во временное пользование вашей семье. Мы нашли какие-то там документы, и поэтому убирайтесь вон из дома, а мы его заселим новыми людьми». Примерно то же самое произошло на Украине.

Сейчас Константинопольский Патриарх говорит, что он «лишь по снисхождению терпит» наличие в Украине Блаженнейшего митрополита Онуфрия и возглавляемой им Церкви. Более абсурдной ситуации представить себе невозможно.

– Давайте остановимся немного на ситуации в Украине. Каково сейчас там положение канонической, как Вы говорите, Церкви (которая относится к Русской Православной Церкви), в сравнении с той, что была создана Вселенским Патриархом? Вы ссылаетесь на то, что большинство верующих признают владыку Онуфрия. Вы также говорите о притеснениях, о которых широкой публике мало что известно. Может быть, Вы просто преувеличиваете ситуацию с националистами и со сторонниками автокефалии? Можете рассказать подробнее об этом?

– Начну с официальной статистики, которая публикуется украинскими государственными органами. Согласно этим данным, у Украинской Православной Церкви, являющейся самоуправляемой Церковью в составе Московского Патриархата, насчитывается 12,5 тысяч приходов, а у двух раскольничьих юрисдикций вместе взятых – около 6 тысяч приходов. Что касается монастырей, у Украинской Православной Церкви более 250 монашеских обителей, причем все крупнейшие монастыри – Киево-Печерская лавра, Почаевская лавра, Святогорская лавра – находятся в канонической Церкви. У раскольнических юрисдикций насчитывается, в лучшем случае, несколько десятков монастырей. И вам достаточно будет посетить эти монастыри, чтобы увидеть, где есть монахи, а где монахов нет. Монашество на Украине реально сейчас существует только в канонической Украинской Православной Церкви – у раскольников монашества как такового практически нет.

Чтобы понять, как верующие посещают храмы, я думаю, достаточно просто приехать в Киев, зайти в воскресный день в Киево-Печерскую лавру и посмотреть, сколько там людей. Приведу и такой факт. Ежегодно накануне Дня Крещения Руси происходит многолюдный крестный ход, который организует каноническая Украинская Православная Церковь без всякого давления извне – наоборот, на верующих оказывается давление, чтобы они не выходили на крестный ход, не приезжали в Киев. Вы можете посмотреть фотографии, видеокadres – это десятки и сотни тысяч людей. Около 300 тысяч верующих собирает крестный ход в этот день. Поэтому говорить, будто мы что-то преувеличиваем, могут только те, кто выдает желаемое за действительное. У нас есть цифры, есть видеокadres, есть официальная украинская статистика. Так что мы опираемся на реальность, а не на некие фантазии.

Если говорить о гонениях на духовенство канонической Церкви, то такие гонения, действительно, имели место во времена президентства Порошенко. Были рейдерские захваты храмов, на священников нападали. Опять же, все это задокументировано: есть цифры, есть видеозаписи этих нападений, избиений священнослужителей. Патриарх Варфоломей, как мы слышали из СМИ, собрался в Украину в следующем году. Я надеюсь, что в его, несомненно, очень напряженном графике найдется полчаса для того, чтобы встретиться с семьями священников, которые были выкинуты из своих храмов. Пусть он сам с ними встретится и послушает, как все происходило на самом деле.

– Вы систематически критикуете Вселенскую Патриархию за то, что она инициировала автокефалию и, тем более, раскол внутри Православия. Может быть, есть хотя бы часть вины на Русской Православной Церкви? Я имею в виду, из Константинополя вас очень часто обвиняют в том, что вы не приехали на Критский Собор, хотя до последней минуты участвовали в его подготовке.

– Я думаю, действительно часть вины лежит на нас, и я должен признать, что мы допустили одну очень большую ошибку. Тема автокефалии обсуждалась на протяжении всего предсоборного процесса, но по этой теме не удалось найти полного согласия. Мы практически договорились о том, что автокефалия в дальнейшем не будет предоставляться единолично решением Вселенского Патриарха, что предоставление автокефалии будет возможно только с согласия всех Поместных Церквей. Оставалось только договориться о том, в какой форме будут стоять подписи под томосом об автокефалии – на эту тему достичь договоренности не удалось. И что тогда произошло? Патриарх Варфоломей разослал письма в Поместные Православные Церкви с предложением снять тему автокефалии с повестки дня и провести Всеправославный Собор. Мы на это предложение согласились, и то была наша большая ошибка.

Мы поверили Патриарху Варфоломею, который во всеуслышание, перед всеми делегациями Поместных Церквей сказал: мы признаем митрополита Онуфрия и приветствуем его как единственного канонического главу Православия на Украине. Это были его слова, и мы этим словам поверили. Мы подумали: раз так говорит Вселенский Патриарх, давайте мы действительно, как он нам обещает, проведем Собор, а после того будем продолжать обсуждение темы автокефалии. Нельзя было ему верить, он нас обманул. Это и была наша большая ошибка.

Что же касается нашего неучастия в Критском соборе, вы хорошо знаете, как развивались события. Сначала отказалась участвовать Болгарская Церковь, потом Антиохийская Церковь, затем Грузинская Церковь. Потом Сербская Церковь заявила о том, что Собор нужно отложить. В ситуации, когда четыре Церкви фактически отказываются от участия, что нам делать?

Мы всегда настаиваем на том, что Всеправославный Собор должен быть действительно всеправославным, а если какое-либо решение принимается в отсутствие хотя бы одной Церкви, оно не будет легитимным для всей полноты Православия. И вдруг мы слышим, что одна Церковь отказывается, другая, третья, а четвертая говорит, что надо отложить Собор...

Тогда Патриарх Кирилл написал письмо Патриарху Варфоломею с просьбой провести срочное Предсоборное совещание, чтобы решить имеющиеся вопросы и все-таки пригласить эти Церкви на Собор. Он получил ответ от Патриарха Варфоломея – вот он у меня перед глазами, номер 676 от 9 июня, где сказано: «Предлагаемое Вашей Святейшей Церковью новое чрезвычайное Всеправославное предсоборное совещание сочтено невозможным, т.к. для его созыва отсутствует нормативная база». Кем оно сочтено невозможным? Почему оно было невозможно? Оставалось еще две недели до Собора. Почему нельзя было принять меры, чтобы все-таки в Соборе участвовали все?

Узнав, что три Церкви не будут участвовать, мы сказали, что тоже тогда не поедем. Теперь нам говорят, мол, если бы вы поехали на Критский собор, то ничего бы из последовавших потом событий не произошло. Я это слышал практически от всех греческих архиереев, с которыми встречался. Извините, но почему бы этого не произошло? Значит, Патриарх Варфоломей таким образом захотел нам отомстить? Он из чувства мести решил предоставить «автокефалию» раскольникам, «легализовать» анафематствованного Филарета Денисенко? Если вы считаете, что это действительно так, то о чем здесь вообще можно говорить?

Если бы мы поехали на Критский собор, то, прежде всего, заявили бы о том, что Собор не имеет легитимности, потому что на нем отсутствуют три Церкви. Значит, Собор был бы сорван. Приехав, нам бы пришлось уехать.

Тем, кто сейчас говорит, мол, вы с самого начала не хотели ехать, хотелось бы напомнить: мы готовились к Всеправославному Собору с 1961 года. В том году был подготовлен каталог тем Собора (в общей сложности 100 тем), и каждую из них мы проработали. Потом нам говорят: каталог сокращается до десяти тем; мы с этим смирились. Позже сообщают, что тема диптихов уходит, потому что она слишком сложная; мы также смирились с этим. В конце концов, нам сказали, что и тему автокефалии нужно снимать, потому что по ней не договорились. Мы вновь смирились. Мы все время шли на уступки, подчинялись решениям, которые принимались без нашего участия. Как в упомянутом Вами письме было сказано: «сочтено невозможным». А кем

сочтено? Константинопольским Патриархатом.

На протяжении всего предсоборного процесса мы предлагали создать межправославный Секретариат Собора – этого не делалось, вся подготовка велась на Фанаре. И когда мы приезжали на эти совещания, нам выдавали готовые документы, мы начинали их обсуждать. Сам процесс подготовки был организован очень плохо – фактически Поместные Церкви приглашались только к пассивному участию. Вот плохо подготовленный Собор плохо и закончился.

– Вы упомянули Владыку Онуфрия, его признание и т.д. Но ведь часто упоминается, что в 1990-х годах сам митрополит Онуфрий подписывал письмо и просил об автокефалии. Может быть, вы просто надавили на него и заставили придерживаться позиции в пользу Русской Православной Церкви?

– Если бы Вы знали Блаженнейшего митрополита Онуфрия, то понимали бы, что это человек, на которого надавить вообще невозможно. Он принимает решения так, как ему подсказывает его архиерейская совесть и как подсказывает Святой Дух.

Что происходило в начале 90-х годов? Филарет Денисенко, тогдашний Киевский митрополит в составе Русской Православной Церкви, предполагал, что он станет Патриархом Московским и всея Руси. Он уже был Местоблюстителем Патриаршего престола, но Поместный Собор не избрал его на Патриаршество. Он тогда затаил большую обиду и решил стать «патриархом» на Украине. Вскоре после возвращения на Украину, заручившись поддержкой тогдашнего президента Кравчука, Филарет Денисенко потребовал, чтобы Украинской Церкви предоставили автокефалию. Он убедил епископат Украинской Церкви в том, что надо подписать это письмо.

Владыка Онуфрий тогда был молодым, только что рукоположенным епископом. Он подписал письмо вместе со всеми, а потом, когда начали разбираться, когда увидели, что все это сделано для того, чтобы отделить Украинскую Церковь от Русской Церкви, что все происходит под нажимом светских властей, архиереи один за другим начали отзываться свои подписи, в том числе и епископ Онуфрий, ныне Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины.

Если кто-то предполагает, что на него сейчас мы оказываем давление, то, простите, у нас нет для этого никаких рычагов – ни политических, ни финансовых, ни административных. Украинская Православная Церковь является самоуправляемой, у нее свой епископат, свой Синод, они самостоятельно избирают архиереев. Единственное, что сохраняется, – это историческая молитвенная связь между Украинской Церковью и Русской Церковью, но эту связь Украинская Православная Церковь терять не хочет, а потому она не хочет автокефалии. Тем более, она не хочет автокефалии на базе раскольников. Поэтому заявления о том, что нами оказывается какое-то давление, абсолютно не соответствуют действительности.

– Все-таки один из аргументов за автокефалию – это то, что Украина уже давно является независимым государством. Может быть, Русская Православная Церковь просто мечтает каким-то образом сохранить империю, которая не существует в реальности?

– Нас никакая империя не интересует – нас интересует Церковь, которая существует в реальности, то есть единая Русская Православная Церковь, у которой более 100 миллионов верующих, более 40 тысяч приходов, около тысячи монастырей. Ее мы хотим сохранить вне зависимости от того, какие политические границы возникают на каноническом пространстве Русской Православной Церкви.

Политические границы за тысячу лет существования Русской Церкви менялись много раз, но мы не считаем, что возникновение новых границ должно вести к разделению Церкви на отдельные части. Иначе нам надо было бы разделить Русскую Церковь на пятнадцать частей, Антиохийскую – на две или три части, Иерусалимскую – на три или четыре части, а Александрийскую – на 50 с лишним частей. Ведь в Африке насчитывается более полусотни государств, почему же Церковь одна?

Поэтому мы не видим необходимости прислушиваться к аргументам политического толка. Прислушиваться надо к воле епископата, духовенства и церковного народа. С чего начиналась любая автокефалия в церковной истории? С того, что та или иная Церковь заявляла о своем желании получить самостоятельность. Не всегда этот процесс шел гладко. И в отличие от того, что сейчас внушают всем иерархи Константинопольского Патриархата, далеко не в каждом случае автокефалию предоставлял Константинополь.

Например, Русская Церковь не получала никакого томоса об автокефалии от Константинопольской Церкви. Мы уже пятьсот с лишним лет живем без такого томоса. Русская Церковь провозгласила свою автокефалию, когда Константинопольский Патриарх подписал унию с Римом, то есть на Константинопольском престоле не было православного Патриарха, а был патриарх-униат. Тогда пришлось нашим архиереям собраться и без санкции Константинополя избрать своего Митрополита. Впоследствии на Руси было учреждено Патриаршество, и когда это произошло, были получены грамоты, подписанные не одним Вселенским Патриархом, а всеми восточными Патриархами. Они признали Московского Патриарха пятым по диптиху, и признали именно в сане Патриарха.

Поэтому неправы те, кто сейчас нам рассказывает, будто Константинопольский Патриарх, видите ли, имел право предоставить автокефалию Украине. Никакого права он не имел. Это нельзя делать без согласия украинского церковного народа и украинского епископата, без согласия Русской Церкви.

Он пошел на сознательное нарушение церковных канонов для того, чтобы навредить Русской Православной Церкви, как, к сожалению, случилось и в прошлом. Например, когда произошла в России революция, возник обновленческий раскол, и поначалу тогдашний Константинопольский Патриарх Милетий (Метаксакис) не поддерживал этот раскол, но его преемник Патриарх Григорий VII фактически поддержал обновленцев через своего представителя в Москве.

Имеются документальные свидетельства об этом. Например, нашему Патриарху-исповеднику святителю Тихону было направлено письмо, в котором говорилось: мы предлагаем вам немедленно отречься от Патриаршего престола и вообще считаем, что Патриаршество в России должно быть упразднено. Эти действия предпринимались Константинополем в то время, когда Русская Церковь подвергалась гонениям, причем об этом знал весь мир. наших священников расстреливали, храмы взрывали, монастыри уничтожали, а Константинопольский Патриархат поддерживал раскол внутри Русской Церкви.

Сейчас же Константинопольский Патриархат поддержал раскол внутри Украинской Церкви.

– Вы знаете, что Константинополь обвиняет Русскую Православную Церковь в систематическом подрыве его вселенского статуса, в том, что она культивирует теорию «Третьего Рима». В Греции по этому поводу издана целая книга, в которой говорится, что вы желаете каким-то образом возглавить Православие в мире, потому что у вас самая многочисленная паства. Может быть, тут есть какая-то доля правды?

– В этих утверждениях нет ни капли правды, кроме только того, что мы действительно самая многочисленная Церковь. Этот факт – не то, чем мы гордимся, а то, что налагает на нас особую ответственность за нашу паству, за сохранение ее единства.

Если же коснуться мифологии, которая раздута вокруг Русской Церкви, в том числе обвинений, якобы мы проповедуем теорию «Третьего Рима», то приведите хоть один официальный документ нашей Церкви, решение церковного Собора, слова Патриарха или, например, мое выступление, где говорилось бы о том, что мы признаем Москву Третьим Римом. Нет такого. Это была концепция, которая сформировалась несколько веков назад и давно уже ушла в прошлое. Интересы для нас она не представляет, как нет у нас никакого желания возглавить мировое Православие. Нас вполне устраивает то место, которое мы занимаем.

Первенство Константинопольского Патриарха мы признали на официальном уровне, когда в 2013 году написали и приняли на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви документ «О первенстве во Вселенской Церкви». Там черным по белому сказано, что мы признаем

Константинопольского Патриарха первым среди равных в семье Предстоятелей Поместных Православных Церквей. Но признаем его первым по чести, а не первым по власти. Мы не считаем, что Константинопольский Патриарх имеет какую-то власть вне пределов своей канонической юрисдикции или имеет право вмешиваться во внутреннюю жизнь других Поместных Церквей – с подобными мнениями мы категорически не согласны.

Документ, о котором я говорю, был принят в 2013 году, когда мы были в единстве с Константинопольским Патриархом, сейчас же в нашем диптихе этот Патриарх отсутствует. В настоящее время наблюдается другая экклезиологическая ситуация, которая напоминает ситуации, возникавшие в прошлом, например, когда Константинопольский Патриарх Несторий в V веке учил, что Богородицу надо называть Христородицей. И вот был созван III Вселенский Собор, на котором Константинопольский Патриарх отнюдь не председательствовал. Он являлся там подсудимым и был осужден за свою ересь. Потом был избран другой Константинопольский Патриарх. Так что истории известны ситуации, когда Церковь существовала, но на Константинопольском престоле не было православного Патриарха.

Вспомним также, как в середине XV века Русская Церковь стала автокефальной из-за того, что Константинопольский Патриарх подписал унию с Римом, то есть на тот момент на Константинопольском престоле не было православного Патриарха.

Ситуация, которая сложилась сегодня, воспринимается в Русской Православной Церкви таким же образом. Многие православные верующие сейчас говорят: в Константинополе нет православного Патриарха, потому что Патриарх Константинопольский примкнул к раскольникам. Вся Россия, вся Русская Православная Церковь видела фотографии, на которых Патриарх Варфоломей сослужит с лидером украинского раскола. Думаю, эта ситуация очень неблагоприятно сказывается в целом на климате межправославных отношений. Но еще раз хотел бы повторить: неправильно говорить, что мы разрываем общение с одной, другой, третьей Церковью. Мы не разрываем общение с Церквями, а стоим за каноническое предание Церкви и соблюдаем единство Русской Православной Церкви. С этого пути мы никуда не отступим.

– Вы очень часто в своих выступлениях говорили насчет давления извне на решения Патриарха Константинопольского. Как я понимаю, Вы имеете в виду американскую дипломатию, которая поставила в первый ряд своих инициатив тему Украины. В конце концов, Патриарх в Константинополе живет в исламском окружении. Ему нужна какая-то дипломатическая поддержка. Он обратился, допустим, к Соединенным Штатам. Русская Православная Церковь тоже очень тесно работает с Правительством России, с посольствами, с Министерством иностранных дел. Почему другим нельзя работать с государственными структурами, а, допустим, Русской Православной Церкви можно?

– Все очень просто. Каждый Предстоятель Поместной Церкви выбирает, с кем ему работать. Если такая работа направлена на защиту интересов этой Церкви, на сохранение единства

Православия, то почему же не сотрудничать? Почему Русская Церковь не должна сотрудничать с российским государством в вопросах строительства храмов в России, преподавания теологии в университетах, в том, чтобы люди имели свободный доступ к религии, к Церкви?

Если бы речь шла о том, что Константинопольский Патриарх сотрудничает с Соединенными Штатами Америки для сохранения православных святынь, защиты своих интересов на собственной канонической территории, разве кто-то возражал бы? Думаю, нет. Но когда Патриарх Константинопольский опирается на внешнюю силу для действий, направленных на разрушение православного единства, на причинение ущерба Поместным Православным Церквам, с этим мы, конечно, не можем согласиться. Что же касается Русской Православной Церкви, мы же никуда не вторгаемся, ни у кого ничего не отторгаем. Мы только заботимся о том, чтобы сохранить ту Церковь, которую получили от наших предков.

– Вы знаете, владыка, есть еще такой момент. Многие греки надеются очень сильно на Россию и считают неправильной ее политику последних лет, когда Россия тесно связывает свои интересы с турецкими. Есть, например, такое мнение по вопросу Святой Софии: с российской стороны были только словесные формальные протесты, не последовало никакого давления на Турцию. Также никто тут, в Греции, не забудет слова представителя Кремля, сказавшего, что с превращением Святой Софии из музея в мечеть вход туда становится бесплатным. Может быть, все-таки объективно расходятся интересы российского, русского и греческого миров?

– Я не хотел бы комментировать неудачное выражение чиновника, о котором Вы сказали. Однако хотелось бы отметить следующее: когда стало известно еще только о планах турецких властей превратить Святую Софию в мечеть, первым из Предстоятелей Поместных Православных Церквей, кто выступил против этого, был Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Буквально на следующий день после этого Государственная Дума Российской Федерации приняла обращение к депутатам парламента Турции. Потом на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви была выражена озабоченность сложившейся ситуацией. Президент России Владимир Путин в телефонном разговоре с президентом Турции Эрдоганом поднял этот вопрос и сказал о том, что перевод Святой Софии в статус мечети вызывает озабоченность православного народа. Кто из религиозных или политических лидеров больше сделал или сказал в данной ситуации, чем Московский Патриарх или чем российский президент? То, что Святая София вновь превращена в мечеть, для нас стало большой трагедией. Мы об этом говорили открыто. Я неоднократно поднимал эту тему в своей телевизионной передаче, которую веду еженедельно на российском новостном канале «Россия 24».

А вот что говорит наш церковный народ: после того, как Патриарх Варфоломей запустил раскольников в Софию Киевскую, что является кощунством и святотатством, он лишился доступа в константинопольскую Святую Софию. Это то, что называется *vox populi* – глас народа. Мы как иерархи Русской Церкви с таким анализом не согласны, поскольку считаем: то, что произошло, является печальным событием не только для Константинопольской Церкви, а для всего мирового Православия. Мы со скорбью наблюдаем, как те немногие уникальные мозаики храма Святой

Софии, которые сохранились, сейчас завешены полотнищем, как скрыты от взглядов стены монастыря Хора, где, опять же, сохранились уникальные мозаики и фрески XIV века. К сожалению, к нашим публичным заявлениям на эту тему руководство Турции сейчас не прислушивается.

Относительно того, что Россия имеет определенные партнерские отношения с Турцией по тем или иным вопросам, в частности, поддерживаются контакты по теме Сирии, по теме Нагорного Карабаха, по проблематике, касающейся сотрудничества в промышленной сфере, думаю, лучше задать вопрос представителям российского государственного руководства. Но я хотел бы обратить внимание на то, что и Греция, и многие другие страны присоединились к санкциям против России, которая в этой ситуации должна искать и находить союзников. Мы были бы очень рады, если бы ситуация была иной, но, к сожалению, она сейчас такова.

– Раз упомянули вопросы союзничества, давайте вернемся немного к истории. В следующем году будет отмечаться 200-летие восстания греков против осман за свою свободу. В этом восстании Россия сыграла очень большую роль. Что такое Греция для вас лично или, может быть, для церковных людей в России? Что такое Элладская Церковь и Эллада? Несмотря на все проблемы, может быть, что-то остается настолько важным, что нас объединяет?

– Я воспользуюсь Вашим вопросом для того, чтобы сказать, что для меня означает Греция. В свое время, будучи еще молодым иеромонахом, я самостоятельно выучил греческий язык (и древний, и новый) для того, чтобы на этом языке читать Святых Отцов и чтобы на нем разговаривать. Я перевел с греческого некоторые творения преподобного Симеона Нового Богослова, в частности, «Главы»; некоторые его гимны перевел на русский в стихотворной форме. Я написал книгу о Симеоне Новом Богослове, а также книгу о святителе Григории Богослове. Святоотеческое наследие на греческом языке всегда являлось для меня неоценимым сокровищем, которое мы все должны бережно хранить. И, конечно, мне очень больно наблюдать происходящие сейчас процессы. То, что произошло в межправославных отношениях, вызывает у меня лично большую боль и скорбь.

Если говорить в целом об отношениях между нашими Церквями и между народами, хотелось бы выразить надежду, что греческий народ не забудет подвига, который совершили российские солдаты, участвовавшие в освобождении Греции от османского ига и пролившие свою кровь на греческой земле. Я очень надеюсь на то, что несмотря на возникшее разделение, мы сумеем сохранить наши связи и на культурном, и на духовном, и на церковном уровне. Да, нам пришлось сейчас (надеюсь, временно) прервать отношения с некоторыми иерархами Элладской Церкви, включая ее Предстоятеля, но мы сохраняем общение со многими другими иерархами.

Я надеюсь на то, что все подобные значимые даты мы будем праздновать вместе. Наши Церкви прошли через очень трудную историю. Русская Православная Церковь – это Церковь-мученица.

Она на протяжении семидесяти лет страдала от безбожников. У нас почти весь епископат, почти все духовенство в 30-е годы XX века были просто физически истреблены. На свободе оставались буквально единицы. У нас многие храмы были взорваны, закрыты, уничтожены, стерты с лица земли. Мы через все это прошли, и вот уже тридцать с лишним лет происходит небывалое по масштабам возрождение церковной жизни и в России, и в Украине, и в Белоруссии, и в других странах канонической ответственности Русской Православной Церкви.

Мы очень надеемся на то, что печальные события, произошедшие в православном мире, не разрушат те многовековые узы, которые существуют и между нашими верующими, и между нашими народами.

– Спасибо, владыка, за это содержательное интервью

– Спасибо, Афанасий.

Беседовал Афанасий Авгеринос